

ПЕРЕПИСКА ИММАНУИЛА КАНТА И ИОАННА ГЕОРГА ГАМАНА

Введение к публикации переписки Канта и Гамана

В настоящем выпуске «Кантовский сборник» начинается серия публикаций переписки Канта и Гамана. Сама по себе переписка не передает всей фундаментальной проблематики взаимоотношений между двумя кёнигсбергскими мыслителями, творчество которых, по мнению многих авторитетных ученых, отражает парадигмальную драму европейского духа в силовом поле напряжения между двумя принципами реальности — богочентризм *versus* автономный антропоцентризм. Однако эта переписка имеет безусловную историко-научную ценность, демонстрируя некоторые стороны не только этого драматического диалога, но и всей сложной атмосферы европейской культуры второй половины XVIII века. Переписка — необширна, всего 13 писем, написанных в период с 1759 по 1783 год. Из них — большинство от Гамана к Канту, всего десять, и только три письма Канта к Гаману, причем последнее из этих трех не сохранилось. Об этом письме Канта упомянуто в письме Гамана к Гердеру от 18 апреля 1783 года.

Начало истории взаимоотношений Гамана и Канта приходится на середину 50-х годов XVIII века. Двенадцатого января 1755 года 31-летний Кант представляет в Альбертине свое латинское сочинение “*De igne*” («Об огне») на соискание магистерской степени, которая была ему присвоена в апреле этого же года. В сентябре он защищает диссертацию на тему «Новое освещение первых принципов метафизического познания» и получает ученое звание доктора философии. Двадцать седьмого сентября 1755 года Кант получает разрешение на преподавательскую работу в Альбертине в должности приват-доцента и приступает в зимнем семестре к лекционным занятиям, которые пользуются большой популярностью. В этом же году выходит одно из главных произведений «докритического периода» Канта «Всеобщая естественная история и теория неба», в котором содержится его «небулярная» космогоническая гипотеза. В это время Гаман находится в Курляндии в поместье Грюнхоф недалеко от Митавы, где исполняет обязанности домашнего учителя, а заодно и секретаря в доме графа фон Виттена. Из писем Гамана к брату и своему другу Иоганну Готхельфу Линднеру видно, что, еще будучи, видимо, лично незнаком с Кантом, Гаман живо интересовался его творчеством. По всей видимости, о Канте Гаман впервые узнал от Линднера, который хорошо знал Канта, состоял с ним в переписке и не раз откомендовал ему выпускников Соборной школы в Риге, в которой он работал с 1753 года вначале учителем, а затем ректором. Гаман, знавший Линднера со студенческих лет, частенько навещал его и его жену Марианну Куртен.

Первое упоминание имени Канта находим в письме Гамана из Курляндии к своему брату Иоганну Кристофу в Кёнигсберг от 28 апреля 1756 года: «Кант, похоже, светлая голова. Перешли же мне его работы». В другом письме, датированном маем 1756 года, к Линднеру Гаман, касаясь докторской диссертации Канта, пишет: «Вы, мой друг, похоже, не так довольны диссертацией Канта, как мне казалось. Я же считаю, что он смог удачно ниспровергнуть разные нелепицы, бывшие плодом досужего воображения». Летом 1756 года,

накануне отъезда в Лондон по поручению Торгового дома Беренсов в Риге, Гаман приехал в Кенигсберг, где, по всей видимости, впервые и встретился с Кантом лично. Об этих встречах свидетельствуют письма Гамана из Кенигсберга Линднеру в Ригу. В письме от 28 июля 1756 года он сообщает, что в гостях у своего студенческого друга Магнуса Вольфа фон Беренса он, кроме профессора Иоганна Давида Функа, встретил также магистра Канта. В письме от 4 августа 1756 года Гаман сообщает Линднеру, что был с их совместным студенческим другом Иоганном Кристофом Вольсоном в пивном ресторанчике «Шульценс Гартен», где неожиданно столкнулся с Кантом и профессором ориенталистики Георгом Давидом Кипке. Согласно этим письмам, именно тем летом, судя по всему, Гаман и Кант встретились лично впервые, хотя работами Канта Гаман начал интересоваться еще раньше, находясь в Курляндии. То что Гаман и Кант могли видеться раньше лета 1756 года, маловероятно, несмотря на то, что имя Гамана уже в конце 40-х годов было знакомо любителям изящной словесности в Кенигсберге, поскольку он был одним из активных участников литературно-художественного журнала для женщин «Дафна», издававшегося под редакцией друга Гамана И. Г. Линднера. Вся редакция и все основные авторы этого еженедельника были студентами Альбертины, увлеченными литературой, в числе которых кроме Линднера и Гамана были также уже упомянутые выше И. К. Беренс, И. К. Вольсон и другие. Образованный зимой 1749 года журнал «Дафна» ослил 60 выпусков и прекратил свое существование в июне 1750 года. По мнению известного филолога Йозефа Надлера, «Дафна» была одним из лучших еженедельников Германии XVIII века¹. И все же, несмотря на общую «alma mater» и некоторый общий круг знакомых, встреча Канта и Гамана в этот период была вряд ли возможна: с 1746 по 1755 год Кант непрерывно служил домашним учителем в нескольких семьях вдали от Кенигсберга. Последней была семья графа Кайзерлинга, которая, правда, регулярно бывала в Кенигсберге: лето Кайзерлинги проводили в графском поместье в Раутенбурге, а зиму — в Кенигсберге. Но уже осенью 1752 года Гаман, не получив, подобно Канту в 1746 году, никакой академической степени, уезжает из Кенигсберга в Лифляндию и Курляндию, что также свидетельствует в пользу предположения о том, что первая встреча могла произойти только летом 1756 года.

Отношения между Кантом и Гаманом были весьма непростыми, встречались они нерегулярно, однако отношения эти не прерывались до конца жизни Гамана, который умер 21 июня 1788 года, находясь в гостях у своих почитателей из круга княгини Амалии фон Галлицин, в том числе у Каспара Бухольца в Мюнцере в Вестфалии. Первый идейно значимый письменный контакт между Гаманом и Кантом приходится на вторую половину 1759 года и носит довольно драматичный характер, поскольку происходит в контексте резко обострившихся отношений между Гаманом и его другом Беренсом, обратившимся к Канту за помощью в посредничестве между ним и Гаманом. Итогом этой драмы стали четыре обширных письма Гамана к Канту, которые остались без ответа, а также первое печатное сочинение Гамана «Достопримечательные мысли Сократа», в котором его мировоззренческий конфликт с Беренсом и Кантом перерастает в отчаянную схватку с основополагающими тенденциями Просвещения. В первой части этого сочинения Гаман непо-

---

¹ См.: Nadler J. Johann Georg Hamann. Der Zeuge des Corpus mysticum. Salzburg, 1949. S. 43.

средственно обращается к «Двоим», которым и посвящает его: за этими двоими и скрываются первые «официальные оппоненты» Гамана в его споре с «просвещенной Публикой» — Беренс и Кант.

В отличие от Гамана, придававшего письмам повышенное идейно-исповедальное значение, Кант писал не так много и не так часто, как Гаман. О различии отношения к эпистолярному жанру свидетельствует хотя бы тот факт, что переписка Канта, подготовленная Рудольфом Райке, занимает три тома (четвертый том — регистр и примечания к переписке) во втором разделе полного собрания сочинений Канта, изданного Королевской прусской академией наук², в то время как переписка Гамана издана известными филологами Вальтером Циземером и Артуром Хенкем в семи томах, при этом не в полном объеме³. Судя по всему, ответ на свои письма Гаман получал при личных встречах с Кантом, которые не прерывались до его смерти и носили дружеский характер, несмотря на принципиальную разницу в мировоззрениях. Именно благодаря рекомендации Канта Гаман, в совершенстве владевший английским и французским, получил в 1767 году должность переводчика в таможенном управлении Кенигсбергского порта.

Довольно живой обмен письмами между Кантом и Гаманом состоялся в апреле 1774 года. Поводом стало опубликование первого тома трактата Гердера, до конца жизни считавшего себя учеником Гамана, под названием «Древнейший документ человеческого рода», посвященный ветхозаветной трактовке грехопадения и проникновения зла в мир. После прочтения Гаман передал трактат Канту, представившему позже свою оценку рассуждений Гердера в двух довольно длинных письмах к Гаману. Тот в свою очередь ответил Канту в двух еще более длинных письмах.

Последние три письма Гамана к Канту были написаны в феврале, марте и июле 1775 года и не затрагивают фундаментальных проблем сложной драматургии их идейных взаимоотношений. Самое последнее письмо в эпистолярном диалоге между двумя кенигсбергскими «магами»⁴ принадлежит Канту, однако текст этого письма, написанного в апреле 1783 года, утрачен.

Но своего высшего идейного напряжения «кенигсбергская драма» XVIII века — идейно-философское противостояние между Гаманом и Кантом — дос-

² См.: Kant's Briefwechsel. Bd. I—III // Kant's gesammelte Schriften. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Zweite Abteilung: Briefwechsel. Bd. X—XII. Berlin und Leipzig, 1922.

³ См.: Hamann J. G. Briefwechsel. Bd. I — III, hrsg. von **W. Ziesemer und A. Henkel**. Wiesbaden, 1955—1957; Bd. IV — VII, hrsg. von **A. Henkel**. Wiesbaden, 1959, Frankfurt am Main, 1965—1979 (в дальнейшем в сокращении: **ZH**). ZH V 291: 17. В сокращении даются также ссылки на сочинения Гамана: Hamann J. G. Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von **J. Nadler**. 6 Bde. Wien, 1949—1957. (в дальнейшем в сокращении: **N**).

⁴ Так получилось, что обоим — Канту и Гаману — присвоили прижизненные титулы «магов», что, однако, не имеет ничего общего с магией. Невысокого ростом Канта кенигсбержцы с лобовым пригнем называли «маленьким магом». Что касается Гамана, то ему прижизненный титул «маг с Севера» присвоил видный представитель немецкого Просвещения Фридрих Карл фон Мозер, занимавший пост президента г. Дармштадта. Гаман принял этот титул, иронично именуя себя, однако, чаще как «magus ex telonio» = «маг с таможни», поскольку, живя в Кенигсберге, он с трудом зарабатывал на жизнь на посту среднего чиновника в конторе таможенного склада. Однако уже фон Мозер, проникнув в христоцентрическую специфику «авторства» Гамана, вкладывал в свое определение новозаветный смысл, сравнивая Гамана с теми магами (= волхвами) с Востока, которые пришли в Палестину поклониться новорожденному Иисусу (Матф. 2, 1).

тигает в последние годы жизни Гамана и в начале «критического периода» творчества Канта. Обмена письмами в этот период не происходило, однако именно его многие исследователи считают самым принципиальным в драматичном философском диалоге между Гаманом и Кантом. Гаман был первым в прямом и переносном смысле, кто прочитал «коперниканский» трактат Канта «Критика чистого разума». Именно Гаман способствовал тому, чтобы трактат издал его добрый друг Иоганн Фридрих Харткнох, ученик и помощник кёнигсбергского издателя Кантера, переселившийся в 1764 году в Ригу, где основал книгоиздательское дело. Благодаря своей дружбе с Харткнохом Гаман первым получил гранки находящегося в печати трактата, и 7 апреля 1781 года допоздна читал текст «Критики» в своем бюро. В письме Харткноху он дает понять, что хорошо осознает всю значимость кантовского произведения, однако собирается выступить с критикой «Критики». В последующие месяцы он еще дважды прорабатывает текст Канта, подготовив свою первую рецензию уже в июле 1781 года. Однако он не спешит ее публиковать так же, как и более расширенный вариант под названием «Метакритика чистоты чистого разума», текст, который он, в конце концов, отсылает в 1784 году Гердеру в Веймар. Эта критика до сих пор привлекает серьезное внимание исследователей, многие из которых выражают предостережение по поводу того, что идейное противостояние Гамана и Канта не следует сводить к бинарной оппозиции «рационализм contra иррационализм». В дальнейшем, возможно, мы постараемся представить некоторые аспекты гамановской «Метакритики».

В целом же следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на серьезные противоречия в понимании основополагающих проблем бытия и познания, Кант и Гаман с дружеским уважением и благородным достоинством относились друг к другу, о чем свидетельствует, например, письмо Гамана к Фридриху Генриху Якоби, написанное им за два года до смерти в 1786 году, в котором содержится довольно обширная оценка Гаманом своего друга и оппонента. В частности, Гаман пишет: «Кант — это человек как великого таланта, так и доброго и благородного нрава; он может позволить себе воодушевиться под влиянием предрассудков, но и не робеет, когда нужно их опровергать и преодолевать. Ему для этого просто нужно время, чтобы самому уйти в себя и разобраться во всем. Он больше любит поговорить, чем послушать. Он вообще при всей своей живости очень сердечный и невинный человек. Но молчать он умеет так же мало, как и Яхман: тот с ним одного покроя, хотя еще совсем молод, но такой же сангвиник, как и Кант. Пусть нейтралитет Канта Вас не беспокоит⁵. Я знаю его и пишу о нем то, что думаю на самом деле без оглядки на многое хорошее, чем ему обязан, включая и его разрешение для Михаэля быть слушателем на всех его Collegia⁶, и не утруждая себя ни ревностью и ни завистью к его славе. На мою долю выпадали и тяжелые бои с ним, и бывало иногда, что я был явно несправедлив к нему; но, вопреки всему, он всегда оставался моим другом, и Вы тоже никогда не сделаете его своим врагом, если собираетесь воздать честь истине».

В. Х. Гильманов

---

⁵Гаман имеет в виду «нейтралитет» Канта в знаменитом «споре о Спинозе», достигшем своего апогея в 1785 году после опубликования книги Якоби «Об учении Спинозы в письмах к г-ну Монсею Мендельсону».

⁶По просьбе Гамана Кант разрешил его сыну Иоганну Михаэлю посещать все свои занятия в Альбертине.

Письмо Гамана к Канту от 27 июня 1759 года⁷

27 июня 1759

Высокочтимый господин магистр,

я не ставлю Вам в вину того, что Вы являетесь моим соперником и пребываете неделями в обществе Вашего нового друга, тогда как он, как мираж, но более как ловкий лазутчик, пару раз лишь на короткое время показался передо мной. Обиду эту я Вам прощу, Вашему другу, однако я не намерен прощать того, что он сам осмелелся ввести Вас в интимность моего дела, позволив Вам заметить всю степень моей ранимости, ревности и мстительной страстности; тем самым, однако, он и Вас подверг опасности так близко приблизиться к человеку, которому болезненность его страстных чувств дает ему такую силу мыслить и чувствовать, какой нет ни у одного здорового. Это я собирался сказать Вашему другу на ухо в тот день, когда имел радость поблагодарить Вас и его за оказанную мне честь Вашего первого визита ко мне.

Если в этой ситуации Вы являетесь Сократом и если поэтому Ваш друг хочет быть Алкивиадом, то Вам, как известно, для уроков мудрости необходим голос гения⁸. И эта роль вполне подходит мне, хотя, надеюсь, это не будет поводом для подозрений меня в ложном высокомерии. Комедиант, как только он покидает место представления, освобождается от всего своего реквизита, включая маску короля, походку и ходульные выражения. Позвольте же мне побыть в этой роли гения, говорящего с Вами из облака⁹ до тех пор, пока я закончу это письмо. Ну а если мне уготована короткая участь гения, то я прошу от Вас хотя бы немного терпения и внимания, которого однажды уже хватило высокочтимой, тонко мыслящей, ученой публике как раз для того, чтобы пропустить мимо ушей прощальную речь одного смертного¹⁰, посвященную обломкам древней урны с едва различимыми буквами на ней — «Библиотека». О-о, эта урна была когда-то проектом, суть которого заключалась в том, чтобы научить изящные тела мыслить. Такое под силу только какому-нибудь Сократу, и никакой Князь, ни какие другие земные власти не в состоянии заставить Ватсона¹¹ стать гением, даже если они используют всю силу своей начальственной должности и данных им полномочий.

Я стараюсь писать эпически, поскольку Вы еще не владеете языком лирики. Эпический автор — это историограф странных существ и их еще более странных судеб; лирический же автор — это историограф человеческого сердца, летописец его самопознания. Это самопознание является самым трудным и самым возвышенным, но одновременно самым легким и самым низким делом: природоведением, философией и поэзией. Как приятно и полезно перевести с английского Поупа¹², переведя вначале его вирши в трепетные фибры ума и сердца, но насколько ничтожным занятием является в сравнении с этим перелистывание Encyclopedie¹³. Еще вчера вечером я покончил с

⁷ Перевод с немецкого В. Х. Гильманова.

⁸ Аллюзия на «даймона» Сократа (*здесь и далее — примечания переводчика*).

⁹ Аллюзия на комедию Аристофана «Облака».

¹⁰ Прощальная речь Сократа перед Афинским собранием судей.

¹¹ Это, по всей видимости, английский лирик Томас Ватсон (1557—1592), предшественник Шекспира.

¹² Александр Поуп (1688—1744) — английский поэт и сатирик.

¹³ «Энциклопедия» — программный проект французского Просвещения, осуществившийся в период с 1751 по 1772 год Дидро и д'Аламбером.

этим занятием, прочитав то, что Вы мне предложили. Статья о прекрасном — пустая болтовня с отрывком из Хатчесона¹⁴ и не более. Статья об искусстве — еще более поверхностная и слащавая, чем предшествующая болтовня англичанина. Есть еще одна статья, и она действительно заслуживает того, чтобы ее перевести: речь в ней о подневольном труде и подневольных рабочих. Всякий сведущий читатель моего послания, наверняка, знает из опыта о стараниях тех, кто, будучи поставлен над подневольными работниками, но, испытывая также сочувствие к ним, как и автор упомянутой статьи, стремится исправить те злоупотребления, которые мешают им исправно исполнять свой подневольный долг. Но поскольку у меня нет желания стать одним из них и нет должности управлять чем-либо в этом мире, на которой я зависел бы от настроения тех, кто стоит ниже меня, я не собираюсь переводить эту статью в уверенности, что найдется немало переводчиков, чувствующих призвание для подобного рода дел. Впрочем, гражданин мира, понимающий в искусстве визитов, всегда сумеет найти подходящего интенданта для своей антрепризы.

Вернемся теперь к нашему дорогому общему брату. Вы бы вряд ли смогли полюбить его из приязни, скорее из тщеславия или расчета. Жаль, что Вы не знали его в те времена, когда его любил я. Он тогда, высокочтимый господин магистр, как и Вы, думал о праве природы в нас: он знал ее великодушные наклонности в самом себе и во мне.

Вы правы, сложное чувство, испытываемое мною к нему, — чувство, в котором смешались презрение и укоризна, — является остатком любви к нему. Позвольте, однако, Вас предостеречь о дальнейшем, проворковав кое-что из Сапфо:

At Vos erronem tellure remittite nostrum
Nisiades matres, Nisiaedesque nurus.
Neu vos decipiant blandae mendacia linguae
Quae dicit Vobis, dixerat ante mihi¹⁵.

На Ваш счет ко мне я исхожу из того, что Ваше отношение ко мне безвинно и что Вы, занимаясь мной, просто коротаете время в эти долгие летние вечера. Ведь Вы же не заметили во мне смятения и стыда, как у девицы, принесшей в жертву другу свою честь, который развлекает общество рассказами о ней, подобно моему другу: ведь онный посвящает других в мои слабости и недостатки, из которых я, будучи с ним с глазу на глаз, не делал никакой тайны.

Франция, придворная жизнь и его нынешнее общение с кальвинистами — именно они виноваты во всем этом несчастье с моим другом¹⁶. Род человеческий он любит подобно тому, как француз женщину, — только для соб-

¹⁴ Фрэнсис Хатчесон (1694—1747) — шотландский философ-деист. В эстетике развивал идеи А. Шефтсбери.

¹⁵ Пер. с лат.:

Прочь беглеца моего отошлите из вашего края,
Жены Нисейской земли, девы Нисейской земли!
Пусть его льстивый язык не обманет вас ласковой ложью, —
Все, что вам говорит, раньше он мне говорил.

В центоне своего письма Гаган цитирует «Герондью» Овидия, в частности Письмо пятнадцатое. Сафо — Фаону (пер. С. Ошерова). См.: *Овидий*. Элегии и малые поэмы. М.: Худ. лит., 1973. С. 139.

¹⁶ Беренс несколько лет провел в Париже.

ственного удовольствия и только за счет других, сейчас за счет Вашей доброты и благородства. В дружбе, как и в любви, он предал все ее тайны. Это означает отвергнуть бога дружбы, чего надеюсь, не сделаете Вы: даже Овидий, лейб-поэт этого бога, обращаясь к amicam cognitam¹⁷, достаточно деликатно намекает, в том числе и Вам, об осведомленности некоего Третьего в делах любви:

Haec tibi sunt mecum, mihi sunt communia tecum
In bona cur quisquam tertius ista venit¹⁸.

То, что наш общий друг думает одно, а говорит другое и пишет иначе, чем думает, об этом я, может быть, расскажу Вам подробнее при удобном случае во время прогулки¹⁹. Вчера все должно было бы открыться, но в своем последнем Billet doux²⁰ он писал мне буквально следующее: «Я прошу Вас не злоупотребить тем, о чем я, как Ваш искренний друг, пишу Вам, с тем, чтобы не сделать нас посмешищем. Дела нашего дома Вас больше ни коим образом не касаются: мы живем в спокойствии и приязни друг к другу, достойно и похристиански». Я так честно выполнял его просьбу, что невольно стыдился, если с моих губ случайно срывалось нечто, касающееся нас обоих, что, впрочем, никто и так не смог бы понять. Сейчас же, когда он посвятил Вас в наши отношения, все должно делаться без утайки, но я намерен следовать прежнему курсу, предложенному им. Однако между ним и мной не будет больше никаких объяснений. В сложившейся ситуации мне лучше не оправдываться, потому как я смогу оправдаться, только если обрушу проклятия на головы тех, кто пыгается судить обо мне. Но ведь они, как никак, — мои лучшие друзья на свете.

Но если ж все же мне пришлось бы оправдываться, то я должен был бы доказать следующее:

- 1) то, что мой друг имеет неправильное представление о самом себе;
- 2) то, что по этой причине он неправильно судит о каждом из своих ближних;
- 3) то, что он имел и имеет неправильное представление обо мне;
- 4) то, что он совершенно неверно и односторонне судит о деле между нами как в целом, так и в его взаимосвязи;
- 5) то, что он не имеет ни понятия, ни чувства о том, что я и он делали до этого и делаем сейчас.

То, насколько я могу судить о нем, исходя из того, что знаю и что не знаю, что он сделал и делает, и основываясь на моем знании принципов и

¹⁷ Пер. с лат.: К соблазненной возлюбленной.

¹⁸ Пер. с лат.:

Всю прелесть и негу Амора даю тебе я, а мне даешь ты,
Почто же третий меж нами вмешался.

По всей видимости, в приведенном латинском «треносе» Гаман проводит стилизацию под «Любовные элегии» Овидия, в частности под элегии XI—XIV вв., обращенные к возлюбленной, делящей ложе любви как с лирическим автором, так и с его счастливым соперником. Сравните:

Ныне боюсь, чтобы мне не пришлось делиться с другими

Той, что моей назвалась, мною любимой одним! (пер. С. Шервинского) (Овидий. Любовные элегии. М., Харьков: Фолио, 2000. С. 89.)

¹⁹ Аллюзия на перипатетиков.

²⁰ Пер. с франц.: любовное письмо.

мотивов его поступков, убеждает меня в том, что ни мои слова, ни мои поступки его ничему научить не могут, в чем он сам и признается. Все написанное мною может показаться Вам бахвальством, что при сложившихся обстоятельствах кажется вполне естественным. Но, признаюсь, я еще даже немного сдержан, и, если хвастаюсь, то только моими покрасневшими от слез глазами, которые в отличие от других не страдают катарактой.

В сравнении с теми усилиями, которые я сам приложил для того, чтобы разобраться в себе²¹, мое оправдание в глазах других представляется мне сущим пустяком. Но все же, будучи невинным, быть обреченным по ложному приговору к чаше с ядом! Именно так во все времена все Ксантиппы и все софисты считают возможным переучивать Сократа, для которого, однако, его собственное сознание собственной невинности значит гораздо больше, чем сохранение собственной жизни.

Но на такую апологию²² я, пожалуй, не смею рассчитывать. Бог, Которому я служу и Которого насмешники считают облаком²³, туманом, vapeurs²⁴ и плодом ипохондрии, не удовлетворится жертвенной кровью козла или теленка, иначе я давно бы предъявил ему доказательство того, что разум и острый ум у Вашего друга, как впрочем, и у меня — это капитальный телец, а его доброе сердце с его добрыми помыслами — овен с рогами.

То, во что верит Ваш друг, меня трогает столь же мало, как его то, во что верю я. Из-за этого мы — люди, которых жизнь развела в разные стороны, и речь может идти только о деловых отношениях. Весь сонм прекрасных и мудрейших духов, будь они все как один утренними звездами и Lucifers²⁵, не может быть ни сведущим, ни судьей, то есть не может быть публикой того лирического поэта, который радуется похвале своей эпопеи и тихо молчит в ответ на ее порицание.

Петр Великий²⁶ был посвящен самим Олимпом в искусство подражания прекрасной природе других наций, которое он употребил в отношении своего народа. Но разве можно стать моложе, обрив бороды? Суждение на основании внешнего не может быть правдой. Подданный деспотичного государства, утверждает Монтескье, не должен знать, что есть добро и зло: он должен бояться своего государя, как будто тот — бог, который может свергнуть в ад его тело и душу. Если же он способен к свободной мысли, то он обречен на несчастье в этом государстве; если же у него есть добродетели, то он — последний глупец, если их замечают другие подданные этого государства.

Никакому патрицию греческой республики не должно было поддерживать связь с персидским двором, если он не желал прослыть предателем своего отечества.

Разве годятся законы побежденных для победителей? Ведь побежденный был побежден этими законами. Разве можно желать той же участи своим согражданам?

Авраам — наш патриарх. И разве мы не поступаем по примеру Петра? Как если бы магистрат одного маленького свободного государства в Италии²⁷

---

²¹ Гаман намекает на свое «Лондонское переживание».

²² Аллюзия на «Апологию Сократа» Платона.

²³ Аллюзия на комедию Аристофана «Облака».

²⁴ Пер. с франц.: химеры.

²⁵ Пер. с лат.: Люцифер = несущий свет.

²⁶ Гаман живо интересовался личностью русского царя Петра I, которого не однажды упоминал в своих сочинениях.

²⁷ Аллюзия на Ватикан.

в свое время учил людей торговле и государственному делу, подобно тому, как учат детей — следуйте делам отца вашего; понимайте, что говорите; употребите праведно знания ваши; сажайте ваш ...ах!... на подобающее ему место. Но ведь даже всем известными истинами можно причинить больше вреда, чем заблуждениями, если употреблять эти истины нелепым образом, а существующие заблуждения уметь употребить во благо благодаря ловкости и удаче. Потому-то какой-нибудь ортодокс, вопреки своему знанию истин, может напрямик направиться к черту, тогда как какой-нибудь еретик — напрямиком на небо, вопреки отлучению от господствующей церкви и общества.

Задачей для Вас, высокочтимый магистр, является разобраться в том, как человек должен действовать в порядке большого мира? Однако к ее решению не следует приступать раньше, чем разберешься в том, как наша душа действует в системе маленького мира. Отражено ли это действие в понятии *harmonia praestabilitata*²⁸, как в более удачном знаке чуда души в теле, чем в понятии *influxus physicus*²⁹, — это должны решать Вы. Мне же по душе, по крайней мере, что из всех этих понятий следует то, что кальвинистская церковь будет столь же беспомощна в превращении нашего друга в своего сторонника, сколь и лютеранская.

Эти мои мысли — не что иное, как яблоки, которые я, как Галатея, бросаю, чтобы подразнить своего возлюбленного³⁰. Истина же заботит меня столь же мало, как и Вашего друга: подобно Сократу, я верю всему, во что верит другой, но стараюсь при этом побеспокоить других в их вере. Афинский мудрец делал это, потому как был окружен софистами и жрецами, чей здравый смысл и благие дела проявлялись в способности их воображения. Так есть здоровые и честные люди, которые, однако, лишь мнят свои здоровые и честность, как есть и *malades imaginaires*³¹.

Если Вы собираетесь судить обо мне на основе рецензий г-на Б.³² и моего письма к Вам, то это будет столь же нефилософское суждение, как желание судить о внешности Лютера на основе его брошюры для герцога фон Вольфенбюттеля.

Тот, кто верит разуму другого больше, чем своему собственному, перестает быть человеком и становится в первый ряд *seruum rescus*³³ подражателей. Даже величайший человеческий гений не годится для того, чтобы стать поводом для подражания. Природа, говорит Баттё³⁴, — вот что годится: не нужно быть Спинозистом в изящных искусствах и государственных делах, чтобы понять это.

Спиноза совершил невинную замену³⁵; если разобраться, даже слишком робкую. Если бы он пошел еще дальше, он бы всю истину смог облечь еще

²⁸ Пер. с лат.: предустановленная гармония.

²⁹ Пер. с лат.: непосредственное и взаимообусловленное влияние души и тела друг на друга.

³⁰ Галатея — морская нимфа, дочь Нереея и Дориды. По одной версии мифа, Галатея любила циклопа Полифема; по другой — она пренебрегла любовью Полифема из-за любви к юному Акиду, сыну Пана и Симайтиды. Из ревности Полифем убивает Акида осколком скалы (Овидий «Метаморфозы», 13).

³¹ Пер. с франц.: мнимые болезни.

³² Беренс.

³³ Пер. с лат.: рабский скот. Выражение из Горация.

³⁴ Аббат Шарль Бате (1713—1780) — французский эстетик, сторонник знаменитой дефиниции Аристотеля: «Искусство есть подражание прекрасной природе».

³⁵ См.: Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца... (Послание римлянам 1, 25).

лучше, осуетившись в умствованиях своих. Он был так неосмотрителен в сокращении времен от создания мира до сего дня³⁶ и потратил так много времени на плетение своей паутины³⁷. Ее узоры выдают хитросплетения искусства его тонкого мышления, на которое способно только крошечное насекомое³⁸.

Как благ архив всех царств и веков³⁹, если всего лишь несколько строк из его великого фрагмента⁴⁰, несколько солнечных палочек из этого хаоса в состоянии дать нам все познание и силу! Как счастлив должен быть тот, кому дозволено каждодневно заходить в архив Того, Кто ведает и ведет, как потоки воды, сердца всех царей мира. Счастлив тот, кто в любовном вожделении⁴¹ способен заглядывать в чудеса Его домоустройства⁴² и в уставы Его правления. Один прагматичный писатель⁴³ скажет об этом: Законы Твои, Господи, более золота, и золота чистого⁴⁴, лучше меда и медовых нитей, стекающих из медовых сот⁴⁵. Закон уст Твоих для меня лучше тысяч золота и серебра⁴⁶. Я стал разумнее все учителей моих, ибо размышляю об откровениях Твоих. Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню. Заповедью Твоего Ты соделал меня мудрее врагов моих, ибо она всегда со мною⁴⁷. Во истину это — мое сокровище.

Что Вы думаете об этой системе? Я хочу сделать счастливыми своих ближних. Один из них уже достаточно счастлив: он — богатый коммерсант⁴⁸. Вам для того, чтобы стать богатым, необходимы благоразумие и моральные добродетели.

В моем мимическом стиле господствует более строгая логика и более прочное соединение мыслей, чем в понятиях многих бойких голов. Мои идеи подобны играющим краскам шелка, окропленного водой, говорит Пууп. В одно мгновение я способен стать левиафаном, монархом или первым министром в царстве Океана, от дыхания которого происходят приливы и отливы.

³⁶ См.: Ибо, что можно знать о Боге, явно для них по тому, что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны. Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку... (Послание римлянам 1, 19—23).

³⁷ Аллюзия на Арахну. Арахна, искусная рукодельница, дерзнула вызвать Афину на состязание в ткачестве и за это была превращена богиней в паука.

³⁸ В следующем абзаце Гаман противопоставляет Спинозе псалмоторца Ветхого Завета, создавая «центон» с основой на Псалом 119. Имплицитная антитеза «плетению» Спинозы содержится в аллюзии Гамана на Псалом 119, 69: Гордые сплетают на меня ложь; я же всем сердцем буду хранить повеления Твои.

³⁹ Ветхий Завет.

⁴⁰ Псалмы царя Давида.

⁴¹ См.: Велики дела Господни, вожделенны для всех, любящих оные (Псалом 111, 2).

⁴² См.: Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего (Псалом 119, 18).

⁴³ Это — царь Давид, который считается сочинителем большинства псалмов Ветхого Завета.

⁴⁴ См.: А я люблю заповеди Твои более золота, и золота чистого (Псалом 119, 127).

⁴⁵ См.: Как сладки гортани моей слова Твои! Лучше меда устам моим (Псалом 119, 103).

⁴⁶ Псалом 119, 72.

⁴⁷ Псалом 119, 98—101.

⁴⁸ Это — Беренс.

В следующее мгновение я вижу себя в облике кита, которого создал Господь, чтобы веселиться о делах Своих⁴⁹.

Я едва сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться по поводу решения Вашего друга выбрать философа для достижения цели изменить мой образ мыслей. Я рассматриваю эту демонстрацию мудрости, как разумная девочка рассматривает любовное письмо, а объяснение моего поведения с позиций Баумгартена⁵⁰ как остроумный флирт.

Высокоцитимый г-н магистр, я стал жертвой ужасающей лжи, обрушенной на мои голову. Я знаю, что Вы — большой любитель всевозможных историй о странствиях и приключениях в дальних странах; я не знаю, правда, как Вы относитесь к их правдоподобию — с недоверием или с легковерием. Легковерие авторов этих историй простительно, потому как они пишут небылицы, не зная об этом, подобно тому, как один комедийный персонаж⁵¹ не знает того, что говорит прозой. Ложь — вот материнский язык нашего разума и нашей мудрости.

Нельзя верить тому, что видишь, не говоря уже о том, что слышишь. Если два человека пребывают в различных положениях, они никогда не должны спорить о своих чувственных впечатлениях. Сторож обсерватории может многое рассказать сторожу старого склада, пусть даже этот живет на третьем этаже. Однако он, не будь дурак, больше верит не рассказам приближенного к звездам, а своим собственным глазам, не страдающим дальновзоркостью. Поэтому и убеждает коллегу: Эй, спускайся вниз, тогда ты сам убедишься, что ничего там не видел. Человек, сидящий в глубокой яме, где нет воды, может в светлый полдень увидеть звезды. Другой же на поверхности не отрицает существования звезда, но не видит вокруг себя и над собой ничего и никого, кроме властелина дневного света. От того, что луна⁵² ближе к земле, чем солнце, поведайте ей о славе Господа. Слава Господа в том, чтобы облечь дела Свои великие⁵³, а слава царей в том, чтобы уразуметь их⁵⁴.

Как дерево узнается по плодам его, так я вынужден признать свою пророческую миссию: подобно всем пророкам, свидетельствующим об истине, и на мою долю выпали хула, преследование и презрение. Поэтому, г-н магистр, я сразу же хочу отобрать у Вас надежду пускаться со мной в разговоры об определенных вещах, о которых я могу судить получше Вас. Это — потому, что я располагаю большими данными о них, основанными на реальных фактах, и потому, что своих авторов я нашел не в научных журналах и знаю их не по обрывкам из их трактатов: мои знания о них — плод утомительной повседневной волокиты, когда читаешь не обрывки, а подлинные документы⁵⁵, отражающие дебаты об интересах как царей, так и всей страны.

Каждый мыслит и пишет по-своему, подобно тому, как каждый зверь движется по-своему. Один движется скачками и дугами, как саранча; другой —

⁴⁹ См.: да веселится Господь о делах Своих! (Псалом 104, 31).

⁵⁰ Это — Зигмунд Якоб Баумгартен (1706—1757), евангелический теолог, склонный к деизму. Охарактеризован Вольтером как «вершина немецкой учености».

⁵¹ Это — Журден из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». См.: *Мальер*. Комедии. М.: Худ. лит., 1972. С. 461.

⁵² Аллюзия на разум, призванный, по Гаману, отражать свет истины Божьей.

⁵³ Вновь аллюзия Гамана на псалмы царя Давида: Велики дела Господни... (Псалом 111, 2).

⁵⁴ См.: Кто мудр, тот заметит сие и уразумет славу Господа (Псалом 107, 43).

⁵⁵ Гаман имеет в виду тексты Священного Писания.

во взаимосвязанных движениях постепенного хода, как медяница; один — прямо, другой — криво. Согласно системе Хогарта⁵⁶, линия змеи является основой всей живописной красоты: об этом я узнал уже из виньетки титульного листа его сочинения.

Аттическому философу Юму⁵⁷ нужна вера для того, чтобы съесть яйцо и выпить стакан воды. Он говорит⁵⁸, но его же собственный Моисей — закон разума, на котором основаны его рассуждения, — ему на погибель. Разум дан всем нам не для того, чтобы на его путях стать мудрыми, но чтобы узнать собственные глупость и невежество, так же, как закон Моисеев дан иудеям не для того, чтобы сделать их праведными, но чтобы показать им, что они много грешнее, чем они о себе думают. Если Юму для еды и питья нужна вера, тогда зачем он отвергает свой собственный принцип, рассуждая о более возвышенных вещах, чем данные нам в ощущениях еда и питье? Ну, конечно, это делается по привычке⁵⁹ что-то объяснять. Привычка — это сложносоставная вещь, состоящая из монад. Привычка называется второй природой и в своих феноменах является столь же загадочной, как и сама природа, которой она подражает.

Если бы Юм был до конца честен и последователен, то, несмотря на все свои ошибки, он стал бы Савлом⁶⁰ среди пророков. Я хочу привести Вам один фрагмент как доказательство того, как, шутя, и в общем-то без какого-либо волевого настроя можно проповедовать истину, даже будучи самым сомневающимся среди сомневающих, сомневаясь, подобно змею, обо всем, что говорит Господь. Вот текст этого фрагмента: «Христианская религия сопровождалась чудесами не только в начале своего появления; она и сегодня связана с чудом, поскольку ни один разумный человек не способен поверить в нее без вмешательства чуда. Разум сам по себе недостаточен, чтобы убедить нас в ее истинности, и тот, кто, будучи движим верой, всегда поддерживает ее и осознает в самом себе действие ее непрерывного чуда, которое переиначивает основания его познания и определяет для него верить в то, что более всего противоречит привычке и опыту, противопоставляясь им»⁶¹.

Передайте своему другу, что ему менее всего пристало смеяться над очками моего воображения, потому что именно ими я вооружаю близорукие глаза моего разума.

Нежный любовник никогда не раскается, что потратил много денег на возлюбленную, даже если она порвала с ним. И если все же, согласно новому естественному праву, речь идет о деньгах, то передайте ему, что у меня сейчас

⁵⁶ Уильям Хогарт ((1697—1764) — английский художник и рисовальщик сатирической направленности.

⁵⁷ Характеризуя Давида Юма как «аттического философа», Гаман сравнивает его с софистами.

⁵⁸ Аллюзия на слова Иисуса при допросе у Пилата: И спросил Его правитель: Ты Царь иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь (Матфей 27, 11). В этой аллюзии Гаман пытается подчеркнуть, что то, что говорит Юм, разоблачает его самого.

⁵⁹ Аллюзия на положение агностицизма Юма о том, что убеждение людей в объективном существовании причинно-следственных связей основано на устойчивой ассоциации ожидания регулярного появления и следования во времени пространственно смежных друг с другом событий, то есть на привычке, и, наконец, на «вереве», что регулярность этого следования не нарушится и в будущем.

⁶⁰ Савл, ставший апостолом Павлом. См.: Деяния 9, 1—15.

⁶¹ Этот фрагмент — заключительные предложения из 10-го раздела «Чудо» трактата Давида Юма «Исследование о человеческом познании» (1748).

ничего нет и что я сам вынужден жить от милости отца моего. Но все, что даст мне Бог, я завещаю ему в частное владение, хотя, по правде, не особенно стремлюсь к тому, чтобы завещание вступило в силу, потому как не хочу потерять благословение четвертой заповеди⁶². Впрочем, если мне суждено умереть, то я без всяких оговорок завещаю ему мой труп, который он мог бы заложить, как это делали египтяне, о чем написано у Геродота, у этого Хашеля⁶³ Древней Греции.

Первой лирой лирической поэзии является трель жаворонка. Если бы я мог петь трелями, как соловей, то, наверняка, среди других птиц появились бы критики, которые всегда знают, как петь, и бахвалятся своим усердием.

Вы знаете, высокочтимый г-н магистр, что у гениев есть крылья, шум которых схож с аплодисментами толпы.

Если кому-то позволительно с изяществом и напором глумиться над Господом, то почему бы не поразвлечься с идолами. Так матушка Люси поет:

Всех лживых идиолов нам высмеять пора.

Один философ, однако, с удовольствием и сочувствием уставился на поэта — прожектера и влюбленного в одном лице, проявляя любопытство, сравнимое с человеком, разглядывающим обезьяну.

До тех пор, пока люди понимают друг друга, они могут вместе работать. Тот же, Кто однажды смешал их языки, разрушив плод их совместной работы⁶⁴, сделал это во благо людей из любви и политического намерения наказать их за гордыню. Он же объединил их в день, когда вокруг злословили над двумя свидетелями с огненными устами⁶⁵, говоря им, что головы их одурманены сладким вином⁶⁶. Истина не желала слишком близко подпускать к себе уличных разбойников, она облечена в несколько одежд одна на другой, так что легко усомниться в возможности добраться до ее тела⁶⁷. И как же испугались они истины, будто жуткого приведения, когда суждено ей было совлечься и открыть им свою волю.

В ближайший день я лично зайду к Вам за этим письмом.

Комментарии переводчика к первому письму Гамана к Канту

Предлагаемое в этом выпуске первое письмо Гамана к Канту от 27 июня 1759 года нуждается в подробном комментарии, что связано, с одной стороны, с довольно сложными обстоятельствами, при которых оно было написано, а с другой — с известной сложностью стиля Гамана, названного исследователями «криптологическим».

По поручению торгового дома Беренсов из Риги, в который Гаман был принят по протекции своего университетского друга И.К. Беренса, Гаман

⁶² Четвертая заповедь: Не убивай. (Исход 20, 14). Гаман иронично намекает на то, что Беренс, пожалуй, готов убить его, если он передаст себя в его частную собственность.

⁶³ Эберхард Вернер Хашель (1647—1690) — довольно плодовитый романист, которого с удовольствием читал Кант и совершенно не ценил Гаман.

⁶⁴ Аллюзия на строителей Вавилонской башни.

⁶⁵ Аллюзия на Откр. 11, 3—13.

⁶⁶ Аллюзия на Деяния 2, 13.

⁶⁷ Аллюзия на языческие символы истины — богиня Исида в Древнем Египте, Персефона в Древней Греции. Эта аллюзия узнается в контексте аллюзии на двух свидетелей из Откр. 11, 7—9: И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распял.

направляется в Лондон, куда он прибывает в апреле 1757 года с невнятной для исследователей торгово-политической миссией. Она не удается, и после ряда сумбурных событий Гаман достигает предела душевного и финансового крушения. В феврале 1758 года он снимает дешевую гостиницу, едва сводит концы с концами, живет уединенно в обществе немногих книг и начинает читать Библию. Девятнадцатого марта он начинает повторное чтение, в процессе которого пишет собственные заметки и комментарии, названные позже «Библейскими размышлениями» (*Biblische Betrachtungen*). С 21 апреля Гаман пишет свою исповедь под названием «Мысли о моем жизненном пути» (*Gedanken über meinen Lebenslauf*). Она была закончена после его возвращения в Ригу. Ни один из этих текстов не был предназначен для опубликования: они были написаны для отца, брата и друзей.

Основная тема этих личных текстов Гамана — то, что он называет «встреча с Богом». Именно тогда весной 1758 года Гаман пережил свое индивидуально-личностное просвещение, которое наполнило его эмоциональной и смысловой энергией на всю оставшуюся жизнь, посвященную попытке «просветить» этим светом немецкое Просвещение XVIII века. Этому «опыту сердца» в Лондоне Гаман остался верен до конца и все его творчество представляет в конце концов масштабную попытку концептуализации своего «Лондонского просветления». В своей исповеди «Мысли о моем жизненном пути» Гаман описывает некоторые обстоятельства этого опыта уже на определенном удалении во времени. Он искренно хотел в начале своего жизненного пути стать «нормальным человеком» Просвещенного времени, о чем, кроме всего прочего, свидетельствует его переписка, в которой он чутко и четко отражал свои внутренние искания в период «тофмейстерства» в поместьях прибалтийских баронов, когда он находился в очень близких, доверительных отношениях с семьей Беренсов в Риге. Эта переписка и затем исповедь Гамана показывают, что до Лондона он жил в «разлуке» между чувством и умом, между просвещенным оптимизмом и чувственным пессимизмом.

«Лондонское просветление» Гамана начинается с «крика», который он слышит в самом центре своего сердца, когда, читая Библию, задумался об Авеле и о словах Бога, обращенных к Каину: «Земля отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Бытие 4, 10). Этот «опыт сердца» с его «криком» Гаман и считает своим пробуждением из сна неподлинного существования, пробуждением, в котором он уже, видимо, предчувствовал свою будущую миссию: пробуждать от «сна» других. Об этом он пишет в письме к Линднеру от 20 июля 1759 года, в котором, отзываясь с большим сочувствием о знакомом присторе Форстмане, умершем накануне в Кенигсберге, подчеркивает: «Что значат дела Демосфена или Цицерона в сравнении с должностью евангелиста, ангела, который умеет и должен сказать своим слушателям ни больше и ни меньше, чем: «Примиритесь с Богом» и который с любовью, но и с силой, и, унижаясь, наставляет их, как если бы он был самим Христом. И к этому пророчески-царскому духу помазан и посвящен, как говорит Петр, каждый христианин: он — проповедник справедливости, свидетель и мученик правды посреди неуязвимого и извращенного рода грешников; здесь (на земле), как царь иудейский, отвержен и коронован венцом терновым, там — сын и наследник, как судия над 12 коленами, венец величия на челе. Вот ощущения, принадлежащие к роду тех чувств, на которые не может и не должен пытаться отважиться, как говорит Клоппшток, ни один прозаический писатель. Кто может подражать вещам, которые не могут быть сотворены ни одним из пяти чувств. Эта осязательность произрастает ни на каком другом

поле, кроме как поэзия, и не может быть выражена никаким другим языком, кроме как божественным. Эти ощущения происходят из уст Бога и возвращаются в Его ухо. Они, как жертвенный огонь Господа, падающий с неба и поднимающийся в небо, — мысли, которые христианин видит во сне или в созерцательности своей тишины, посреди опасностей ночи и чистого поля, несмотря на камень и жесткое изголовье [Бытие 28:11], видит их, подобных ангелам на лестнице Иакова, нисходящим от Бога и восходящим к Богу. Согласно понятиям Клоппштока, физическое бодрствование состоит в том состоянии человека, в котором он сам себя осознает. Но ведь это, по сути, — сон души. Наш дух следует только лишь тогда считать бодрствующим, когда он осознает Бога, думает и ощущает Его, и узнает все-присутствие Бога в себе и вокруг себя, которое как душа выражает свое господство над телом и как тело выражает отпечатки духовного воления.

Поэтому человек, живущий в Боге, будет относиться к так называемому «естественному человеку» как бодрствующий к храпящему в глубоком сне, как к грезящему наяву, как к лунатику. Этот глубокий сон ближе всего к смерти, без какого-либо понимания и благого дела. Спящий глубоким сном может иметь более живые фантазии, чем бодрствующий; может больше видеть, слышать, мыслить, чем он, осознавая это «больше», грезить в большем порядке, чем мыслит бодрствующий; быть творцом новых предметов и больших событий. Для него все это — истинно, но все это — обман: все настоящему истинное, происходящее вокруг него — Тот, Кто с ним говорит; опасности, окружающие его; счастье, ждущее его пробуждения, — все это для него нездешне и ничто для него. Он ничего не видит, не слышит, ничего не понимает, но в теории своих снов ему кажется, что он видит, слышит и понимает бесконечно больше, чем бодрствующий у его кровати. Лунатик полностью соответствует образу практического, делового человека, который говорит и действует со всей осторожностью, обдуманностью и взаимосвязанностью, и выполняет опасные действия с большей уверенностью, чем он смог бы с открытыми глазами. Есть спящие, которые поддаются расспросам и отвечают осмысленно. И если бодрствующий в этом случае захотел бы попытаться переговорить со спящим и попросил бы его дать совет о своем собственном состоянии, то тогда очень легко произошла бы путаница идей, и то, что касается бодрствующего, было бы истолковано противоположным образом. Если предположить, что бодрствующий в горячке воскликнул бы: «Ты спишь, дорогой друг!», то, наверняка, между обоими возник бы серьезный спор.

Вопрос в том, возможно ли сегодня при всем честном народе достичь того, чтобы бодрствующий смог убедить спящего в том, что он спит в то время, однако, когда тот спит?» [ZH I 368:29—370:5].

Имплицитами этого письма Гамана, касающегося также его горького разлада с Беренсом и полемики с Кантом, являются, по меньшей мере, две темы: 1) Гаман недвусмысленно указывает на то, что современный ему принцип реальности он понимает как «поцелуй дракона», погружающий жизнь в сон; 2) однако неочевидность этого сна настолько самоочевидна, что пребывающий во сне никогда не согласится признать того, что он спит. Поэтому пробудить его ото сна — это большой вопрос Гамана, имплицитующий будущую трагичность его места в Просвещении.

«Пробуждение» самого Гамана в «Лондонском переживании» привело к удивительной творческой активности в последний этап его пребывания в Лондоне. Это отразилось и в том, что, несмотря на дневниковый характер и мозаичность мыслей, его «Библейские размышления» в целом образуют не-

ожиданно стройную, взаимосвязанную в своих частях систему, которая поражает еще и тем, что создана человеком, не имеющим какой-либо специальной религиозно-философской подготовки и не занимавшимся когда-либо глубоко какими-либо богословскими авторами. Именно в параметрах этой системы конституируется контур особой герменевтики Гамана, в основе которой — христоцентрическое понимание мира.

В июне 1758 года Гаман возвращается из Англии в Ригу. Накануне отъезда из Лондона он получил письмо от Иоганна Кристофа Беренса, в котором тот писал: «Чтобы не умереть с голода, Вам понадобилась Библия. Теперь время преодолеть себя и вернуться». Гаман в письме к Линднеру так прокомментировал это место из письма друга: «Разве он не хотел написать несколько иначе? А именно: чтобы не умереть с голода, мне нужно было вернуться назад. Но чтобы преодолеть себя, мне нужна была Библия. Именно это он имел в мыслях, и это — правда. Правда то, что не что иное, как эта книга, утолила мой голод, что я проглотил ее, как Иоанн, и почувствовал ее сладость и горечь» [ЗН I 304: 17].

В доме Беренсов в Риге его встретили с приязнью, но никаких дел не доверили. Иоганн Кристоф пребывал в это время в Петербурге. Гаман писал ему, пытаясь объяснить смысл происшедшего в Лондоне. Реакция Беренса была сдержанной и выжидательной. В своих письмах он настойчиво пытается «вернуть» Гамана из его «религиозных увлечений» к «просвещенному мышлению». Напряжение в отношениях между обоими возрастает и достигает критической точки, когда Гаман неожиданно для всех и, наверное, для себя самого делает предложение сестре Беренса Катарине. Этот шаг Гамана объяснить довольно трудно: Катарина была старше и, судя по всему, не очень привлекательна. Однако сам Гаман в своем автобиографическом очерке объясняет этот поступок божественным наитием, открывшим ему, что Катарина Беренс предназначена для него как «невеста по желанию Бога». Гаман получает ее согласие, однако вскоре приходит письмо от Иоганна Кристофа Беренса с решительным отказом. Это означало начало разрыва. В январе 1759 года Гаман спешно уезжает в Кенигсберг.

Драма нарушенной дружбы между Гаманом и его университетским другом Беренсом и стала причиной появления первого письма Гамана к Канту и первого значительного сочинения Гамана, проявившего всю остроту его полемического таланта и глубину его философского дара. Несмотря на чрезвычайно беспощадную переписку, полную укоризн и взаимных упреков, Беренс не хочет терять друга и в июне 1759 года приезжает в Кенигсберг, чтобы вернуть Гамана в русло современного Просвещения из паутины «религиозных предрассудков и фантазий». За поддержкой он обращается к магистру философии Иммануилу Канту. О первой встрече Беренса, Канта и Гамана известно из дневниковых записей «заблудшего»: в начале июля 1759 года все трое поужинали в скромном заведении «Виндмюле». Спустя некоторое время Беренс и Кант нанесли Гаману «целевой» визит: речь шла о его «возврате». Конкретным проявлением «просвещенного выздоровления» Гамана должен был стать предложенный Кантом перевод ряда статей французской «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера. Ему дали два дня на размышление. Но Гаман уже не мог «вернуться». Он отказывается от дальнейших встреч с Кантом и Беренсом, а вместо этого пишет обширное письмо, охарактеризованное им самим как «граната», которая должна была отпугнуть Канта и Беренса от бесполезных попыток обращения Гамана в традиционное Просвещение. Так был сожжен последний мост. Однако смысловой драматизм прерванной дружбы приобретает характер обостренного столкновения двух противополо-

ложных мировоззрений и достигает кульминации в первом значительном сочинении Гамана «Достопримечательные мысли Сократа», первый печатный экземпляр которого «кенигсбергский маг» получил к Рождеству 1759 года. Таковы обстоятельства, сопровождающие появление публикуемого в этом выпуске первого письма Гамана к Канту.

Уже в этом письме проявляется особая специфика стиля Гамана, которая большинство из тех, кто пытается читать его работы, раздражает и лишь немногих восхищает. Особенность этого стиля обусловлена, с одной стороны, укорененностью Гамана в традиции филологической энциклопедичности, а с другой — христоцентрической направленностью его идей. Эта особенность реализуется в диапазоне энциклопедической риторики традиционной литературы с привлечением всех «силовых полей» семантики слова, однако в строгой смысловой центрированности, не допускающей произвола. Поэтому возникает своеобразный парадокс: это — противоречие между мощной, захватывающей динамикой образов, тем, аллюзий, «игры», за которой не поспевает читатель, и своеобразным «законом бережливости» христоцентрических смыслов; это — диалектическое противоречие между центробежностью семантической «игры» и центростремительностью смыслов, «обутливающих» внешнюю пестроту до внутренней простоты. На упрек критики в запутанности его «Достопримечательных мыслей Сократа» Гаман отвечает: «Не ищите блондинку среди играющих с Аполлоном... Не смотрите на меня, что я такой черный, потому как гений меня так обжег» [N II 107:3-].

В связи со спецификой стиля Гамана встает вопрос о том, а не является ли его творчество своеобразным «постмодерном» XVIII века, поскольку ему свойственны характерные черты постмодернистской стилистики: 1) его стремление облечься в маску и спрятаться за псевдонимом (Сократ, Пан, Пастух, Сивилла, Химера, Иерофант, рыцарь Розенкрейц, Санчо Панса и другие); 2) его так называемый «центостиль», или «рапсодия»; 3) его искусство цитации и аллюзии; 4) его техника коллажа; 5) его мощная «деконструкция» господствующих «конструкций» мысли; 6) его типологическая «игра»; 7) его апокалиптическая «несерьезность» в карнавале «смеховой культуры» его сочинений. Но одновременно ему чужды связанные с постмодерном необязательность мысли, «вечное возвращение» в ничто, духовное и телесное «бродяжничество», поскольку «вечный круг» Гамана обустраивается в конечном итоге в мощную систему со своим четко обозначенным эпицентром, к которому ведут все «силовые линии» его мысли и чувства. Гаман не «бездомен»: он уверен, что «блудный сын» XVIII века успел вернуться в отчий дом.

Характерная особенность стиля Гамана связана с тем, что его тексты — «центоны» в значительной мере состоят из «лоскутков», чужих понятий, цитат или фрагментов цитат, которые вырываются им из различных контекстов и «вклеиваются», «вшиваются» в живую ткань «топоса» и «типа» его собственных рассуждений. Выбор Гаманом «центотехники» обусловил, с одной стороны, сложность понимания его сочинений, представляющих собой головоломный коллаж, ребус, «монтаж» цитат. Но, с другой стороны, «cento» (лоскутность текста) гармонично отражает главную суть гамановской антропологии — зависимость. Подобно тому, как все фрагменты, цитаты, аллюзии «коллажа» его сочинений приобретают проясняющую цельность в «силовом поле» христорологической герменевтики, каждый человек находится, согласно Гаману, в «силовом поле» зависимости от Бога, попытка выхода из которого ведет к отчуждению от собственного бытия, от подлинного «быть». В письме

к Якоби от 1 декабря 1784 года Гаман пишет: «То be, or not to be? That is the question. — «Быть», конечно, является «первым» и «всем» каждой вещи. Но *тὸ ὄν* (греч. «быть») древней метафизики превратилось, к сожалению, в идеал чистого разума, чье «быть или не быть» не может быть им обнаружено. Первоначальное «быть» есть истина, *сообщенное* есть благодать. «Не быть» — это нехватка или «кажение» первого и последнего, через разнообразное Ничто которого теряются из вида единство и центральная точка» [ZH V 271:25-]. «Сенто» Гамана — стилистически обнаруживаемое стремление «быть», а также стремление побудить «быть» своих адресатов. Но это «быть», подчеркнутое в «сенто», означает признание своей зависимости. Вот почему Гаман и свое противодействие Просвещению фактически свел к вопросу о зависимости, который во всей остроте встал перед его глазами в контексте статьи Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Девиз Канта о том, что Просвещение означает «решимость и мужество» человека «пользоваться своим собственным рассудком» «без руководства со стороны кого-либо другого», Гаман сводит к вопросу о том, кто же этот «другой», которого имеет в виду Кант, и кто же будет другим «другой», под опеку которого, согласно Гаману, неизбежно подставит самого себя освободившийся от первого «другого» разум? «Центотехника» — это выражение подчеркнутой зависимости, открытой Гаманом в опыте «Лондонского переживания», зависимости от Бога, от Его Слова, поэтому в «сенто» Гамана преобладают цитаты из Библии, «буквой» и «духом» которой он владел превосходно. «Истинный гений знает свою зависимость», — пишет Гаман позже в контексте полемики о природе гения [N II, 260—22].

Однако при всей концептуальной обусловленности «сенто» в творчестве Гамана эта стилистическая техника с ее «криптичностью» неволью создает «онтологический разрыв» между его текстом и герменевтической способностью XVIII века. Этот разрыв драматично подчеркивает изоморфизм судьбы Гамана архетипике «пророка», которому уготована участь непонимания. Для современного исследователя, однако, это не снимает вопроса о том, какая герменевтика и риторика необходимы для понимания и интерпретационного развертывания «загадки» Гамана.

В. Х. Гильманов

О переводчике

Гильманов Владимир Хамитович — д-р филол. наук, проф. кафедры зарубежной филологии факультета филологии и журналистики Российского государственного университета имени Иммануила Канта, gilmanov.wladimir@rambler.ru